

УДК 316.42

© Д. Л. Галиуллин, 2009

СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РАЗВИТИЯ

Галиуллин Д. Л. – канд. социол. наук, проф. кафедры «Социология, политология и социальная работа», тел.: (4212) 72-36-21 (ТОГУ)

В статье рассматриваются подходы к определению понятия социального капитала и социального доверия. Выделены разные типы социального капитала и социального доверия. Предложен подход к инвестированию в региональный социальный капитал с целью использования его в стратегиях социально-экономического развития региона.

In the article the approaches to defining a concept of social capital and social confidence are considered. Different types of social capital and social confidence have been marked out. An approach to investing in a regional social capital for using it in strategies of social-economic regional development has been proposed.

Ключевые слова: социальный капитал, социальное доверие, система социальных сетей, инвестиции в региональный социальный капитал.

Характерной особенностью современного российского общества является потребность в интеграции и поступательном развитии, продвижении вперед. На фоне еще имеющей место социальной апатии в обществе все более отчетливо проявляет себя потребность в коллективной созидательной, результативной деятельности. В данных условиях проблема доверия приобретает особую актуальность. Доверием пронизаны все сферы человеческих отношений. Доверительность в межличностных отношениях обеспечивает интеграцию, сплоченность семьи, способствует прочности деловых связей, устойчивости команд и объединений. Доверие к органам власти, СМИ, представителей различных социальных групп друг другу обеспечивает социальную стабильность общества в целом.

Доверие или его антипод недоверие в современном мире имеет материальную силу. Одним из важнейших факторов, определяющим характер не только межличностных, но и в целом всех социальных отношений, является доверие. Оно непосредственно «вплетено» в механизм, обеспечивающий интеграцию и стабильность общества. Подчеркивая роль доверия в организации

общественной жизни, известный американский социолог А. Селигмен отмечает, что власть, господство и насилие на какое-то время могут решить проблему социального порядка, организации разделения труда, но «они не способны сами по себе обеспечить основу для поддержания этого порядка в долгосрочной перспективе» [1].

Насколько феномен вертикального доверия/недоверия распространен на региональном социально-политическом пространстве? Ответ на этот вопрос мы попытались получить в ходе социологического исследования, проведенного в феврале 2008 г. перед выборами президента РФ. Было опрошено 1200 респондентов избирательного возраста, проживающих на территории Хабаровского края (табл. 1) [2].

Таблица 1

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность ...

Вариант ответа	Одобряю, %	Не одобряю, %	Затрудняюсь ответить, %
Президента РФ	60,7	15,9	23,4
Правительства РФ	38,8	22,1	39,1
Совета Федерации	26,3	21,9	51,8
Государственной думы	23,6	26,5	49,9
Полпреда Президента в ДФО	21,5	23,1	55,4
Губернатора Хабаровского края	64,7	11,4	23,9
Законодательной думы Хабаровского края	32,9	18,7	48,4
Мэра (главы) Вашего города, района	41,6	16,8	41,6

Результаты исследования подтверждают, что есть прямая связь между недоверием к политическим институтам, фигурам власти и абсентеизмом. Более чем десятилетний опыт анализа проведения выборов показывает, что растет число граждан, отказывающихся участвовать в голосовании. Полученные результаты свидетельствуют, что абсентеизм значительной части избирателей носит осознанный протестный характер, в основе которого лежат как неверие в демократичность выборов, так и недоверие конкретным кандидатам и партиям. Как правило, за этим стоят более глубокие причины – разочарованность индивида в политическом режиме, негативный экономический опыт, приобретенный в ходе рыночных реформ. Характерно, что именно в группе респондентов, оценивших свой материальный уровень крайне низко («денег не хватает даже на еду»), чаще наблюдается феномен недоверия и отчужденность от общественной жизни. Почти треть из них дала отрицательный ответ на вопрос об участии в выборах. Причем более половины из них свою электоральную пассивность объяснили отсутствием интереса к выборам и политике в целом.

На региональном уровне население также склонно демонстрировать более высокий уровень поддержки институтами и фигурами власти, в чьих руках сконцентрирована реальная власть (губернаторам, администрации городов), нежели представительным органам власти.

Дефицит доверия влечет проблему дефицита социального капитала. Радиус доверия как показатель социального капитала отражает широту и интенсивность социальных связей в обществе, что подтверждают эмпирические социально-психологические исследования.

Доверие следует рассматривать как один из факторов, поддерживающих устойчивость и интегрированность общества. Рассмотрение доверия в этой проекции указывает на его роль в конструировании горизонтальных и вертикальных общественных отношений. В первом случае, доверие участвует в формировании групповых идентичностей (осознание общей причастности к какому-либо коллективу, сообществу), новых отношений сотрудничества и солидарности, разнообразных форм гражданских ассоциаций (общественные и инициативные движения, политические партии, клубы интересов, этнические ассоциации, религиозные деноминации, группы взаимопомощи и др.). Хотя гражданские ассоциации могут быть построены с учетом разных организационных принципов, членство в них определяется общими представлениями, добровольностью в принятии определенных обязательств и взаимным доверием. Тем самым, доверие способствует воспроизведению особого феномена – социального капитала.

Понятие «социальный капитал» было введено в научный дискурс П. Бурдьё, Г. Лоури, Дж. Коулменом, Р. Патнэмом и Ф. Фукуямой. В понимании трех последних исследователей, доверие есть социальный капитал и непосредственная основа построения последующих общественных отношений.

Экономические, социологические, политологические исследования показывают, что сообщества, основанные на доверии и сотрудничестве, способствуют реализации человеческого потенциала. В экономической литературе все шире признается тот факт, что социальные связи и доверие играют важную роль в поддержке экономического развития. Социальный капитал рассматривается даже [3] как необходимый «зонтичный» термин для таких аспектов жизни общества, которые, несмотря на сложность измерения и включения в формальные модели, рассматриваются как важнейшие детерминанты долгосрочного экономического успеха. Осознание того, что «социум имеет значение» вынуждает экономистов считаться с этим фактором, даже при построении теоретических гипотез.

Понятие социального капитала в настоящее время довольно широко используется как в экономической, так и в социологической и психологической науках.

Ф. Фукуяма определяет социальный капитал как «набор неформальных ценностей или норм, которые разделяются членами группы и которые делают возможным сотрудничество внутри этой группы» [4] а также как «опреде-

ленный потенциал общества или его части, возникающий как результат доверия между его членами» [5].

Как элемент общественной организации (социальные сети, социальные нормы и доверие) социальный капитал рассматривается и в работах Р. Патнэма. При этом обращается внимание на то, что он увеличивает отдачу от инвестирования в физический и человеческий капитал и вследствие этого ведет к более эффективному экономическому росту и социально-экономическому развитию. «Социальный капитал, – пишет Р. Патнэм, – воплощенный в нормах и сетях гражданского участия, является, по всей вероятности, предварительным условием экономического процветания, так же как и эффективное самоуправление» [6].

П. Бурдье характеризует социальный капитал как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе. Последняя дает своим членам опору в виде коллективного капитала, «репутации», позволяющей им получать кредиты во всех смыслах этого слова» [7]. В объективированном состоянии он формирует сети социальных связей, в институциональном состоянии он предстает как определенные социальные круги, список контактов, в инкорпорированном – как соблюдение обязательств без санкций, как доверие

По Дж. Коулману, социальный капитал – это любое проявление неформальной социальной организации, которое выступает как продуктивный ресурс для одного или более акторов. При этом он выделяет следующие формы проявления социального капитала: социальный капитал как концентрация невыполненных обязательств, социальный капитал как информационные каналы, социальный капитал как эффективные нормы, подкрепленные санкциями [8]. Рассматривая социальный капитал как ресурс, используемый хозяйствующим субъектом в его деятельности, Дж. Коулман делает акцент на его общественной (а не просто групповой) природе.

В исследованиях Мирового банка используется следующая трактовка социального капитала: «социальный капитал означает сети контактов и взаимоотношения между людьми, способствующие доверию и формирующие качество и количество социальных взаимодействий в обществе» [9].

В отечественной литературе концепция социального капитала была удачно использована И. Е. Дискиным для анализа процесса постсоциалистической трансформации экономики. Он предложил трактовать социальный капитал с точки зрения «вклада социальной организации в производство» [10], что ближе к его трактовке как элемента внешней среды. Подобный подход позволяет рассмотреть в качестве условий производства «запас» механизмов балансирования производственных, экономических и социальных интересов экономических агентов. Он облегчает коммуникации и координацию деятельности и в определенных границах приобретает свойство замещения других факторов производства, а его оценка не сводится только к снижению

транзакционных издержек и может быть определена через стоимость замещаемых им факторов производства. Во-первых, он обеспечивает единство смыслов деятельности и интерпретации информации. Во-вторых, он становится источником дохода, соизмеримого с доходом от использования других видов капитала, который возникает в результате снижения издержек приспособления к меняющимся условиям, повышения конкурентоспособности и устойчивости хозяйствующего субъекта в сетевом взаимодействии [11].

В экономической теории социальный капитал используется преимущественно в трактовке Дж. Коулмана. Это связано с тем, что в данной трактовке социальный капитал предстает как инструмент, который позволяет использовать экономические принципы рационального поведения в анализе социальных систем. По Дж. Коулману социальный капитал – это не просто элемент внешней среды, независимый от действий хозяйствующего субъекта, это – его особый ресурс, в который он готов инвестировать. Дж. Коулман пишет: «акторы сознательно устанавливают отношения и поддерживают их до тех пор, пока они выгодны» [12]. С экономической точки зрения важно, что социальный капитал как особый ресурс дополняет и способен замещать другие экономические ресурсы и таким образом ведет к снижению как производственных, так и транзакционных издержек.

Социальные цели шире, чем стремительный рост экономического производства, потому что: 1) важным является развитие совокупного, а не только экономического благосостояния; 2) анализ вариантов политических решений должен в качестве факторов включать долгосрочное воздействие на экономические, экологические и социальные тенденции.

Один из немногих специалистов по социальному капиталу в России А. Т. Коньков определяет социальный капитал как совокупность структурно оформленных социальных отношений, основанных на взаимно разделяемых и подкрепляемых нормах, обязательствах и представлениях, использование которых позволяет получать доступ к разнообразным благам и повышать эффективность коллективной деятельности субъектов этих отношений.

А. Т. Коньков обосновывает вывод, согласно которому социальный капитал имеет как реляционный, так и структурный аспект. Реляционный аспект состоит в том, что социальный капитал является функцией социальных отношений: связи, основывающиеся на доверии и взаимности, способствуют продуктивной деятельности, могут приносить прибыль в виде разнообразных материальных и нематериальных ценностей. Структурный аспект заключается в том, что объём ресурсов, доступных индивидам через систему социальных связей, определяется их позициями в сети отношений, плотностью и конфигурацией их индивидуальных связей [13]. Социальный и человеческий капитал должны рассматриваться не как самоцель, а как ресурсы, которые могут быть использованы для социального и экономического развития.

Представляется необходимым анализ в структуре социального капитала институциональной деятельности государства как актора формирования социальных и экономических институтов, а также сферы правовых отношений.

В модернизирующихся странах, в том числе и России, общество и государство все еще функционально разъединены; они не формируют добровольное пересечение сетей, ассоциаций (с присущими им нормами) как коллектив граждан. Вот почему такое значение для постсоветских обществ имеет налаживание взаимопонимания между государственной политикой и действиями граждан. И демократически ориентированное государство здесь действительно может и должно способствовать развитию социального доверия и социального капитала.

В ходе проведенного в ноябре 2008 г. в гг. Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре социологического исследования по проблематике состояния и реализации прав человека в Хабаровском крае, на вопрос: «Как Вы думаете, каким должен быть характер государственной власти в России?» были получены следующие ответы (табл. 2).

Таблица 2

Вариант ответа	Комсомольск, %	Хабаровск, %	Край в целом, %
В первую очередь обеспечивающим порядок в стране	64,0	51,1	55,8
В первую очередь обеспечивающий права и свободы граждан	36,0	48,9	44,2

Можно утверждать, что в общественном сознании россиян понятие «демократия» и «права человека» в подавляющем большинстве случаев наполняются социально-экономическим содержанием, а не политическим, как это свойственно западной политической традиции.

Петр Штомпка в своей теории доверия определяет факторы постепенного искоренения фундаментального недоверия:

– наличие обстоятельств, подтверждающих убежденность в том, что изменения непрерывны, постоянны и необратимы;

– значительный экономический рост; новое качество и уровень жизни; консолидация политической демократии и конституционализма: принятие новой конституции, успешная смена власти через выборные процедуры, практическая верификация демократических институтов; становление рынка и частной собственности;

– расширение личного и социального капитала и рост «ресурсности», по крайней мере у ряда значительных страт общества (при сохранении и традиционных ресурсов, в частности, наличие связей, поддержка семьи и принадлежность к религиозной общине);

– смена поколений: появление новых поколений, выросших в других условиях [14].

В данной ситуации весьма востребованной, на наш взгляд, становится идея регионального социального капитала как системы социальных сетей, облеченных взаимной ответственностью и возникающего на основе регионального/локального доверия. Это доверие может сложиться на основе внят-

ной региональной социальной политики нацеленной на все население муниципалитета или региона в целом, что позволяет расширить социальную базу поддержки для восстановления и укрепления социально-экономической стабильности. Активизация региональной социальной политики позволит наращивать человеческий и социальный капитал улучшает ситуацию там, где это наиболее важно.

Представляется, в регионе должна быть разработана программа «инвестиций в возрождение социального доверия». Эти меры доверия, способные изменить общественный климат, повысить гражданскую активность, дать импульс новой волне перемен, которые пользовались бы поддержкой большинства населения. Такая политика отнюдь не носит патерналистский характер, не подменяет доверие патрон-клиентными отношениями.

Данный подход, т. е. инвестирование в программы по формированию социального доверия и социального капитала в регионе, позволяет одновременно решать и проблемы взаимодействия с крупным бизнесом. Стратегии крупного бизнеса в базовых регионах в наибольшей степени нацелены на обеспечение стабильного развития и улучшения качества трудовых ресурсов (человеческого капитала), а также взаимодействие с региональными властями для обеспечения защиты прав собственности. Теоретической основой становления и развития подобных партнерских взаимоотношений является модель совместного управления, разработанная в рамках программы сотрудничества ЕС и России (TACIS). Ее основные положения тесно связаны с теорией социального капитала, становлением гражданского общества и ресурсным подходом к развитию территориальных образований. Однако в данной модели практически не задействована концепция социального доверия. Да и сам предлагаемый подход имеет исторические корни в практике экономической жизни Хабаровского строя – это забытый принцип «народной стройки».

Отношения, возникающие на основе взаимного доверия и открытости сторон, способствуют выявлению скрытого потенциала невыявленных ранее местных ресурсов (в том числе и потенциальной силы социального капитала региона). В свою очередь, соединение усилий населения, региональных властей и бизнеса помогает решать следующие задачи:

- повышение уровня благосостояния, занятости населения территории;
- совершенствование структуры экономики региона;
- возникновение новых производств и реконструкция действующих предприятий;
- развитие рыночной и производственной инфраструктуры и коммуникаций;
- развитие социальных институтов территории, профессионального образования и здравоохранения.

Возникает потребность изучения феномена локальной/территориальной политики, который в последнее время привлекает все большее внимание российских ученых, поскольку именно на локальном уровне формируются ло-

кальная/территориальная идентичность, социальный капитал и социальное доверие [15].

Библиографические ссылки

1. Селигмен А. Проблема доверия. М., 2002.
2. Опрос проведен НИ «Дальневосточный институт социально-политических исследований» 13–14 февраля 2008 года. Опрошено 1 200 человек в г. Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре. Допустимая погрешность 3,4 %.
3. Temple, J. Growth Effects of Education and Social Capital in the OECD // J.F.Helliwell (ed.) The Contribution of Human and Social Capital to Sustained Economic Growth and Well-being: International Symposium Report, Human Resources Development Canada and OECD. 2001.
4. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003.
5. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
6. Патнэм Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // МЭ и МО. 1995. № 4.
7. Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М., 2004.
8. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
9. На пороге XXI века. Доклад о мировом развитии 1999/2000 года. М., 2000.
10. Дискин И. Е. Хозяйственная система России: проблемы институционального генезиса // Общественные науки и современность. 1998. № 4.
11. Курбатова М. В., Апарина Н. Ф. Социальный капитал предпринимателя: формы его проявления и особенности в современной российской экономике // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6. № 4.
12. Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // Social Capital. A Multifaceted Perspective / Ed. by P.Dasgupta, I.Serageldin. Washington, 2000.
13. Коньков А. Т. Социальный капитал и экономическое взаимодействие. М., 2006.
14. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996; Sztompka P. Society in action: the theory of social becoming. Cambridge, 1991.
15. Назукина М. В., Панов П. В., Сулимов К. А. Конструирование локальной политической самости на местном уровне // Вестн. Пермского ун-та. Серия «Политология». 2007. Вып. 2.